

ГЛАВА 1

Фотокарточка из прошлого

«...И пали в неистовой резне те боги, что носили хлеб человечеству; и захлебнулись в крови те, что поднимали на них мечи свои. Не было меж ними различий: вина перед Создателем стала их кандалами, занесенный меч — палачом. И заплакали в ту ночь небеса холодными слезами, и раздул северный ветер пепел божественной столицы...»

Звук упавшей со стола книги едва не выбил из Леона душу.

— Дьявол! — сквозь зубы прошипел тот и, подняв свечную лампу, осветил беспорядок.

Вместе с томом малоизвестных легенд на каменный пол повалились и остальные бумаги, которые он с таким усердием выискивал в архиве. На них было страшно смотреть: пожелтевшие листы, и без того еле хранившие последний вздох, теперь, казалось, его окончательно испустили. Впрочем, Леону они уже стали неинтересны: там не оказалось ничего полезного.

Однако разбирать учиненный беспорядок у Леона не было времени. От бродившего по коридорам смотрителя музея его отделяли только дверь и короткая лестница. Осталось лишь молиться, чтобы шум в архивном зале не заставил того позабыть, что он до ужаса боится призраков.

Вернувшись к изначальному занятию, юноша перевернул черно-белую фотокарточку и всмотрелся в надпись. Вычурный и острый, с тяжелым нажимом — почерк явно принадлежал отцу. Но чтобы убедиться наверняка, Леон сравнил его с начертанным в старом потрепанном дневнике... Сомнений не оставалось.

То, что написал отец, было переводом, но чего? Юноша потер подбородок и всмотрелся в изображение, однако в тусклом свете лампы это оказалось сделать сложнее, чем представлялось. От времени фотография уже побледнела и местами расплылась, едва ли изображение теперь можно было восстановить.

Это не обнадеживало. Его родители потратили много лет на поиски малоизвестных религий, а проклятый музей даже не смог сохранить одну-единственную фотографию. Но злиться на некомпетентность самодура-хозяина и влажность стен он мог всегда, а вот изучить последнее исследование своих родителей можно было только сейчас. Вряд ли у него получится еще раз пробраться сюда незамеченным.

Прогулка в собственных размышлениях едва не стоила ему свободы. Шаги тяжелых сапог эхом зазвучали в коридоре. Леон спрятал дневник отца за пазуху и спешно задул свечу. Он мог бы вылезти через окно и спуститься по водосточной трубе и карнизам, но был велик шанс, что даже добежать до стены не успеет, когда смотритель музея откроет дверь. Выбор оказался скуден. Сорвавшись с места, Леон затаился в самом темном углу мастерской — в архивном лабиринте.

Дверь со скрипом отворилась в тот момент, когда Леон спрятался в стенной нише.

— Здесь кто-нибудь есть? — настороженный смотритель учуял запах свечного дыма и прошел глубже в мастерскую.

Мужчина с угрюмым лицом, пожалуй, мог заставить струсить кого угодно, но его неуверенные шаги говорили об обратном. Несколько дней назад Леон рассказал ему массу небылиц о здешних призраках: будто по коридору ходит баронесса Веонесская, держа свою отрубленную голову в руках, а из подвалов доносятся вопли душ, не успевших отмолить свои грехи перед виселицей. Кто же знал, что этот великан так легко поверит мальчишке?

Смотритель проковылял до стола и окинул взглядом разбросанные книги. Будь он чуточку осведомленнее, то с легкостью бы понял, что книги о забытых сказаниях и работы семьи Самаэлис не входят в разряд исследований музея на данный момент, но он ни черта не смыслил в этом, что было весьма на руку Леону.

Хруст заставил насторожиться обоих. Кажется, те самые бумаги, что Леон оставил на полу, оказались раздавлены тяжелым ботинком.

— Вот же идиот, — тяжело вздохнул Леон и потер лоб.

Сложно было понять, говорил он это смотрителю, который испортил важные документы отпечатком своей подошвы, или самому себе за то, что так безответственно бросил их на полу.

Его вздох оказался не беззвучным. Эхо разнесло его по мастерской, и если бы в этот момент смотритель продолжил ругаться и собирать бумаги, то даже не заметил бы, но в тот момент он — как не вовремя — замолчал. Медленно опустив испорченные записи на стол, великан положил руку на рукоять револьвера и двинулся к источнику звука.

— Леон, если это опять ты, негодный мальчишка, то выходи по-хорошему, пока я не достал оружие.

Леон прикрыл рот и сильнее вжался в стену, спешно продумывая план отступления. Книжные шкафы могли стать лишь временной защитой: стоит смотрителю осветить фо-

нарем этот лабиринт, как его тут же раскроют. Идея пришла внезапно и, протянув руку, он нащупал на полке шахматную фигуру. Он уже видел ее однажды — обычный ферзь размером не больше его ладони, но весивший так же прилично, как бильярдный шар. Такой явно не разобьется, даже несмотря на возраст в пару сотен лет.

Приняв решение, Леон вылез из укрытия и мирно объявил:

— Нет, спасибо, мистер Томсон. Прошлую дыру в одежде я до сих пор не заштопал.

— И чего тебе нейдет, — вздохнул смотритель и опустил руки, не сводя глаз с юноши. — Это уже третье проникновение за месяц, тебе свобода не мила, что ли?

— То, как я живу, вряд ли можно назвать свободой, — пожал плечами Леон.

— Глупый ты мальчишка, у тебя есть кров, еда и где нужду справить, так на что ты жалуешься? В наше время и это уже считалось поводом для радости. — Томсон покачал головой. — Мы все скорбим из-за произошедшего, и только лишь поэтому хозяин закрывает глаза на твои выходки. Если бы он не был так добр к твоей семье, то ты бы уже давно отправился в исправительный дом. Что ты пытаешься найти? Уже пять лет минуло, вряд ли тут что-то полезное осталось.

— Вы правы, — согласился Леон. — И все же я кое-что нашел. Желаете взглянуть?

Мальчишка бросил смотрителю ферзя и рванул со всех ног, пока тот отвлекся, чтобы поймать фигуру. Но по заполненной бумагами и старым хламом мастерской бегать было непросто. Леон едва не пропахал носом всю дорогу до двери, споткнувшись о деревянный ящик, и все же смог окатиться на лестнице. Там ему пришлось бежать почти вслепую: в коридорах не то что зажженных ламп не было, тут даже окна были наглухо зашторены. Пару раз он цеплялся за ковер, врезался в стены и даже чуть не перевернул подиум с восточной вазой.

Бегал Леон довольно резво, но отнюдь не долго. Ему едва хватило выносливости, чтобы добежать до входной двери. Вцепившись в ручку, он попытался открыть ее, но та оказалась заперта.

— Дьявол! — выругался Леон и хлопнул по двери.

Впрочем, он и не ожидал, что все сложится иначе. Лишь пару раз ему удавалось скрытно залезть в исследовательский музей и так же оттуда выбраться, а во всех остальных случаях его ловили прямо на месте. Вот кому точно воров по судьбе не стать!

Смирившись с тем, что наказание неизбежно, воришка-неудачник уселся на стул смотрителя и принялся ждать. Прошло совсем немного времени. Разгневанный Томсон выскочил спустя пару минут из соседнего коридора и угрожающе двинулся к Леону, намереваясь как минимум схватить за шиворот и отвесить заслуженную оплеуху.

— Глупый ты самонадеянный юнец! — рявкнул он и схватил мальчишку за грудки. — Это была последняя твоя выходка. Сейчас же сообщу хозяину и отправлю в участок. Уж там из тебя всю дурь выбьют! Посидишь в одной камере с ворами и убийцами, и сразу мозги на место встанут.

Но Леон лишь хмыкнул. Томсон не был злым смотрителем, он лишь любил пугать нарушителей до полусмерти своей грозной физиономией. И хотя ему было всего около сорока, выглядел он уже как старик: худощавый, с проседью на висках и небольшой залысиной на лбу, он едва заметно прихрамывал на левую ногу, хотя бегал все так же резво. Война его не пощадила, но все же позволила легко отделаться, оставив все вышеперечисленное и пару шрамов.

— Давай ты не скажешь Ван'Адлеру обо мне, а я не скажу, что ты испортил старинные документы? — предложил компромисс Леон. — Меня-то он отпустит в любом случае, ведь я ничего не украл, а что он сделает с тобой? Я слышал, что старикам вроде тебя сложно найти работу...

Томсон раздраженно хмыкнул и дернул щеткой над губой, которую ласково называл усами, обдумывая слова юноши.

— Вот же убедительный гаденыш, и чему вас только учат в элитных пансионах, — усмехнулся он. — Я не скажу хозяину, но сообщу инспектору Шефферу и попрошу доставить тебя обратно в пансион. Если не я, то хотя бы он и ваша мадам попытаются тебя вразумить. Ах да... и если это еще раз произойдет, то я уже наверняка отправлю тебя в Скотленд-Ярд¹, доходчиво объяснил?

Он отпустил его и предупреждающе хлопнул по плечу, прежде чем выйти на улицу. Вот только Томсон не знал, что Леон пребывал в пансионе не в качестве учащегося, а в качестве рабочей силы. По правде говоря, юноша действительно там учился, но после некоторых событий образ жизни пришлось изменить, и в ходе этого он едва не оказался на улице. Денег, чтобы оплачивать обучение, у него не было, но по стечению обстоятельств он смог устроиться туда на подработку в обмен на кровать в чулане и остатки еды со столов богатеньких деток.

Воспоминания вызвали в нем лишь нервную усмешку. Он уселся на подоконник и стал наблюдать за зрителем, что в свете фонарей пытался кого-то найти, а когда заметил, то смешно воскликнул, сложив губы трубочкой, и поманил ладонью. Томсон подзвал на улице беспризорного мальчишку в старом кепи, который часто подрабатывал доносчиком в этом районе, вложил ему в ладонь монету и пообещал еще одну, если тот приведет инспектора Шеффера и передаст сказанное дословно. Мальчишка быстро согласился: утром он не смог продать ни одной газеты и рисковал остаться голодным, а тут за плевую работу монету подкинули, а если и вторую дадут, то и завтра голодать не придется.

¹ Скотленд-Ярд — штаб-квартира полицейского учреждения в Англии, основанная в 1829 году.

К тому моменту, когда до инспектора Шеффера дошла новость, где опять просиживает штаны его проблемный подопечный, прошла уже четверть часа. Предугадать первые слова служащего в шляпе с тульёй оказалось проще простого: Шеффер всегда объявлялся с суровым выражением лица и тяжелой походкой, после чего громко объявлял:

— Леон Самаэлис, вы арестованы за проникновение на частную собственность и оказание сопротивления сотруднику охраны! Вы имеете право на воспитательную беседу с сотрудником полиции и сопровождение домой.

— Пожалуй, откажусь, — резко прервал Леон болтовню Шеффера. — Вам еще не надоело ломать эту комедию из раза в раз?

Леон спрыгнул с подоконника, на котором сидел все это время в ожидании инспектора, и без интереса поплелся наружу, где их ждал констебль. Подзатыльник нагнал Леона почти сразу же, как тот поравнялся с Шеффером.

— Беседу о вежливости тоже провести следовало бы, поганец, — оскорбленно буркнул Шеффер.

Леон не ответил, молча дождался, когда Шеффер попрощается с Томсоном, и залез в кэб¹. Разговор с инспектором не входил в перечень его любимых занятий. Шеффер заслуживал звание хорошего человека, — на этот счет сомнений не возникало, — но был чересчур оптимистичным и даже мягким, что у Леона, смотрящего через призму реализма, это просто не укладывалось в голове. Как этот человек вообще дослужился до инспектора в вечно мрачной Англии, где в любом проулке тебя может поджидать озлобленный безработный или шайка мелких разбойников?

— Колись, парень, ты ведь неспроста опять забрался в музей Ван'Адлера? Нашел что-нибудь?

Заинтригованный Шеффер облокотился на сиденье и расстегнул пальто. Судя по натяжению ткани, молодой

¹ Кэб — наемный экипаж на конной тяге, распространенный преимущественно в Великобритании в XVII–XIX веках.

инспектор набрал в весе, и это причиняло ему дискомфорт, но денег на перешивку служебной одежды не было. Он так часто стал расстегивать пальто, что верхние пуговицы начали затираться, теряя былой блеск.

— Ничего существенного, — умолчал Леон.

Шеффер был на редкость добропорядочным полицейским, но жизнь воспитала в Леоне недоверие к людям. Уж слишком часто его предавали за пару шиллингов¹. Многие считали его дураком, а его идеи — глупостью, ведь юноша не смог достойно выучиться, прежде чем упал в яму бедности; его называли ничтожеством и вестником несчастий, рожденным под теплой звездой, но отвергнутым небом, благословленным Богом, но поцелованным дьяволом и еще много чего другого, на что могла быть способна человеческая жестокость.

Видя, что Леон не проявляет никакого интереса к разговору, инспектор устало вздохнул.

— Зря ты скалишься, я ведь помочь желаю. Я обещал твоим родителям...

— Вокруг меня слишком много людей, которые «заботятся» из-за нелепых обещаний, — раздраженно перебил Леон, наконец повернув голову к инспектору. — Но лишь один действительно помог тогда, когда я в этом нуждался. А что сделали вы, Шеффер? Если хотите заботиться о проблемном ребенке, то на улицах Лондона сотни тех, кому это нужнее, чем мне.

На это инспектору было ответить нечего. Он расстроено замолчал и уставился в окно. Серые улицы Лондона ночами выглядели еще более мрачно и навевали апатию. Вот и он, погрузившись в гнетущие мысли, рассматривал быстро сменяющиеся за окном дома из обшарпанного кирпича и желтой штукатурки.

Молчание повисло в экипаже тяжелым туманом. Леон понимал, что порой был резок в выражениях; общение с просты-

¹ Шиллинг — английская монета, объявленная денежной единицей Великобритании в 1601 г.

ми работягами превратило его речь в сборник грубостей и злобных насмешек, сделало его совсем не похожим на выходца из ученой семьи, и все же он старался контролировать свою язвительность. Осознавая, что его упрек прозвучал весьма болезненно для ранимого Шеффера, Леон снова открыл рот:

— Шеффер, вы ведь...

— Инспектор Шеффер, попрошу, — поправил мужчина.

— Инспектор Шеффер, — с натяжкой в голосе исправился Леон, — у меня и в мыслях не было вас оскорбить. Я хочу сказать, что нахожу этот разговор довольно личным для себя, и был бы признателен, если бы вы прекратили настаивать. Все, что я мог сообщить, я уже рассказал, а теперь, если вы не возражаете, я уединюсь в собственных мыслях, чтобы прекратить эту бессмысленную беседу раз и навсегда.

Услышав такую почтительную речь из уст парня-оборванца, Шеффер удивленно присвистнул.

— Будь по-твоему, — смиренно поднял руки инспектор. — Я сообщу тебе, когда мы будем на месте.

Теперь, когда Шеффер наконец оставил его в покое, у Леона появилось немного времени, чтобы скрытно за ним понаблюдать. Внешне он был весьма солиден и хорошо сложен, высок — около шести футов¹, — но из-за добродушного взгляда круглых глаз казался наивнее оленя, выпущенного прямо перед охотой. Особое очарование ему придавали каштаново-рыжие кудри, выглядывающие из-под шляпы. Была у Шеффера и плохая привычка: когда он нервничал, то неосознанно прикусывал кожу на костяшке указательного пальца, о чем свидетельствовал старый маленький шрам. Видимо, эта привычка осталась у него с детства. Впрочем, инспектор всегда пытался ее контролировать, чтобы не выставить себя в дурном свете.

Кэб остановился у обочины, и инспектор взглянул на часы. Леон лишь мельком подметил на них время, прежде

¹ 6 футов = 182,88 см

чем тот захлопнул крышку и спрятал в нагрудном кармане. Двенадцать ночи — если он явится в такое время в пансион, то немедленно получит нагоняй. А мадам Тулле, стало быть, уже уведомена.

И Леон не ошибся: когда он выпрыгнул из кэба, у ворот его ждала высокая худая женщина. Судя по платью, в котором мадам была с самого утра, спать она не ложилась, но после полученного уведомления упорно ждала появления инспектора и, как только услышала шум колес, вышла к воротам, накинув лишь вязаный платок на плечи. Ее суровый вид не внушал ничего хорошего, Леон предчувствовал, как сильно его отходят палкой по хребту и рукам за такую выходку.

— Доброй ночи, господин инспектор, — любезно поприответствовала она с легким французским акцентом. Ее холодный взгляд метнулся к Леону, а потом снова вернулся к Шефферу: — Мне, право, неловко, но примите мои извинения. Обычно наши воспитанники чтят закон.

— Я никогда в этом не сомневался, мадам. Леон — сложный ребенок, он все еще тяжело переживает утрату родителей, и я попрошу вас не быть слишком строгой к нему, когда будете наказывать. Во время нашей поездки мне удалось провести с ним беседу, и будем надеяться, что он прислушается к моим словам.

Леон удивленно вскинул брови. За всю их поездку Шеффер ни разу не попытался заговорить о безнравственности его поступка, стало быть, понимал, что слова не возымеют эффекта, но все равно сказал управляющей, что беседа состоялась.

Мадам Тулле лишь кивнула с учтивой улыбкой, но даже так в свете уличных фонарей стало заметно, как лицо напруглось, а впалые щеки еще больше втянулись, придавая его выражению мрачность.

Наличие констебля и инспектора у ворот уже портило настроение, а разговор с ними уничтожал его напрочь, поэтому, вежливо откланявшись, она быстро спровадила их

прочь. Когда те скрылись за поворотом, она схватила Леона за локоть и потащила внутрь, словно нашкодившего котенка.

Мадам втолкнула воспитанника внутрь чуть ли не силой и захлопнула белую одностворчатую дверь, закрыв замок и повесив цепочку, а следом развернулась и с размаху влепила Леону пощечину. Рука у нее, стоило признать, была тяжелой. Леон хоть и не был уже мальчишкой, но пошатнулся от удара, едва сдержав возглас за сжатыми губами. Стоит ему вскрикнуть, как мадам еще сильнее огреет за то, что своими воплями будит других воспитанников в столь поздний час.

— Никчемный мальчишка! — выругалась эта импозантная женщина и раздраженно вскинула руки. — Сколько еще ты собираешься портить всем нервы? Давно на улице не оказывался, неблагодарный? Леди Аверлин любезно приютила тебя, а ты подался в воры? О боже, за что нам такое несчастье!

— Я сожалею о произошедшем и более не сделаю ничего подобного. Но, право, я не вор, я не посмел ничего украсть, лишь взглянул на старые записи.

— Замолчи! — вскрикнула она. — Уже тот факт, что ты снова влез к уважаемому мистеру Ван'Адлеру, ставит под сомнение правдивость твоих слов. Мне стоило бы сообщить хозяйке и выставить тебя за дверь, но лишь из беспокойства о ее здоровье я не стану этого делать. Но и без наказания тебя не отпущу, может, хотя бы это научит тебя не совершать столь опрометчивых поступков. Руки!

Леон понимал, что за наказание последует дальше, и молча подал руки ладонями вверх. Он не чувствовал вины за содеянное, но знал, что должен подчиниться. Мадам Тулле довольно приподняла подбородок. Ей нравилось, что тот не пытался ей перечить. Управляющая подошла к тумбе, что стояла у входной двери, и достала из ящика тонкую указку, которую использовала вместо розги. Иногда Леону казалось, что она хранила их по всему пансиону, так как могла достать из любого ящика в особняке.